

§4 ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коняев С.В., Фельдман П.Я.

НУЖНО ЛИ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ ИДТИ ЗА ГЛОБАЛЬНЫМ ЛИДЕРОМ?

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема глобального лидерства в контексте универсализации и либерализации институционального устройства развивающихся государств. Авторы устанавливают причины экономического и политического возвышения США в XX веке и оценивают влияние данного обстоятельства на утверждение либерализма в качестве универсального ориентира для государственного строительства. Центральной проблемой исследования становится поиск ответа на вопрос: могут ли развивающиеся страны следовать за глобальным лидером, сохраняя складывающиеся веками местные, национальные особенности, которые относятся, главным образом, к действию неформальных институтов в обществе. Статья опирается на комплекс исследовательских методов, в числе которых нормативно-ценностный, институциональный, системный и иные подходы. В ней находят отражение концептуальные наработки Ж. Блонделя, Д.Норта, Э. Хейвуда. Авторы приходят к выводу о том, что в основе онтологии лидерства лежит синергетическая способность общественных систем к самоорганизации и упорядочиванию, которую осуществляют наиболее способные к управлению субъекты, за счет имеющихся у них властных ресурсов. Вместе с тем стремление ряда развивающихся стран к воспроизводству формальных институтов, успешно функционирующих в США, может завести в управленческую ловушку. Попытка воспроизводства западной либеральной модели на постсоветском пространстве ведет к возникновению диссонанса между формальными и неформальными институтами. Попытки волюнтаристской либерализации экономики и политики современной России представляются бесперспективными и неоправданными.

Ключевые слова: власть, лидерство, теория конвергенции, однополярность, многополярность, институциональная теория, политика США, гражданское общество, российская политика, теория Д.Норта.

Abstract. *This article deals with the issue of global leadership in the context of universalization and liberalization of institutional structures of developing countries. The authors discover the reasons of economic and political elevation of the USA in XX-th century and evaluate its importance in the context of establishing liberalism as the universal standard for building the state. The focus of the research is to answer the question if developing countries are capable of following a global leader while preserving centuries-old local and national traits that define the function of informal institutes within society. This article relies on a set of research methods that include normative-value, institutional, systemic and other approaches. It reflects concept research of Jean Blondel, Douglass Cecil North, Andrew Heywood. The authors reach the conclusion that the basis of the ontology of leadership is the strategic capability of social systems for self-organization that is exercised by the most management-capable actors, using the authority resources at their disposal. Along with this, the efforts of certain developing countries to reproduce formal institutes that successfully function in the USA may lead into an administrative trap. Attempts to reproduce Western liberal model on post-Soviet space leads to emergence of dissonance between formal and informal institutes. Voluntarist attempts at liberalization of the economy and politics of modern Russia appear as lacking promise and justification.*

Key words: *multipolarity, the institutional theory, U.S. politics, civil society, Russian politics, D.North theory, unipolarity, the convergence theory, leadership, authority.*

С позиции системного подхода лидерство в международных отношениях можно было бы охарактеризовать, как стремление отдельной страны занять наиболее выгодное положение по отношению к другим странам в международном социально-политическом пространстве. Это стремление остается неизменным, как для отношений государств с несопадающими, национальными интересами, так и для стран, состоящих в альянсе. Сила, с которой страны устремляются к борьбе за лидерство или за место рядом с лидером, носит весьма выраженный и устойчивый характер, что позволяет большинству специалистов связывать лидерство с феноменом власти. Причина кроется в том, что любая власть предполагает наличие у его носителя таких ресурсов (возможностей), которых недостает другим субъектам, что необходимо ведет к формированию асимметричных отношений неравенства между ними. Отношения такого рода лежат и в основании лидерства, что позволяет сочетать одно с другим. Эти начальные рассуждения направлены на констатацию того факта, что сегодня у США для властных проявлений лидерства в международных делах наличествуют все ресурсы. Подобное стало возможным в силу многих политических, экономических, социальных причин, к которым добавляется еще и список исторических событий регионального и глобального масштаба.

Из числа последних выделим два, наиболее примечательных для предмета нашего инте-

реса. Во-первых, – это программа восстановления Европы после разрушительных последствий второй мировой войны, получившая большую известность как «план Маршалла». Согласно мнению американского профессора Перриша С., данная программа стала поворотным историческим пунктом на пути достижения лидерства Америки в мире, поскольку ей удалось использовать «план Маршалла в качестве системообразующего механизма западного альянса, ведомого США [1]. С тем, что план восстановления Европы стал наиболее естественным основанием для консолидации стран Запада под руководством США, согласны и в нашей стране: «НАТО никогда не появился бы на свет, если бы ему не предшествовал план Маршалла» [2, С. 258]. И действительно, опыт взаимодействия с европейскими странами в послевоенный период, весьма пригодился США в его усилиях по дальнейшему укреплению и развитию хорошо себя зарекомендовавших отношений. Со временем это сотрудничество получило организационное и институциональное подкрепление в виде обширной сети международных объединений и союзов в сфере безопасности, демократии, экономики, финансов и т.д., в которых Америка, как и подобает лидеру, заняла главенствующие позиции. Таким образом, в биполярную конфронтацию с СССР и странами социалистического лагеря, США вступили, находясь в устойчивом, институционально скрепленном союзе с ведущими западными странами.

Вторым историческим событием, которое утвердило статус США как ведущей мировой державы, стал распад СССР и социалистической системы. Это событие ознаменовало собой закат эпохи биполярного мира, суть которого определялась глобальным соперничеством стран с противоположными политико-экономическими системами. Смена правящих режимов, произошедшая в бывших странах социализма (кроме Кубы и КНДР), позволяет сделать вывод о том, что в начале 90-х годов прошлого века были устранены основные препятствия на пути США к лидерству, а потому очень скоро международные отношения обрели однополярный вид.

В методологических целях зададимся, быть может, заведомо наивным вопросом: а что плохого в однополярном мире и, в частности, что плохого в доминировании одной страны? Разве можно отрицать те весомые достижения, которых добились США в экономике и демократии, управлении государством и правовой системе, в межнациональных и межконфессиональных отношениях, в образовании, науке, культуре? По мнению Уткина А.И. высокий экономический потенциал Соединенных Штатов позволяет им концентрировать в своих руках до трети мировых богатств, а в ряде промышленных отраслей на эту страну приходится до 50% всей выпускаемой в мире продукции [3, С. 12]. В таком случае, если США смогли добиться так многого для себя, разве не следует распространить эти достижения и на другие страны? Тем более всем известно неумное стремление США делиться собственным опытом государственного строительства, оказывать экономическую и гуманитарную помощь, экспортировать институты демократии, гражданского общества и свободы слова во многие страны мира. Тогда, в чем проблема? Что мешает воспроизводству успешного опыта в менее развитых странах? В предлагаемой работе мы остановимся на отдельных аспектах проблемы однополярного доминирования в современном мире, на примере лидерства США.

Поставленная проблема обращает нас к природе лидерства вообще и лидерства в международных делах, в частности. Мы находим бесспорным, что в основе онтологии лидерства лежит синергетическая способность общественных систем к самоорганизации и упорядочиванию, которую осуществляют наиболее способные к управлению субъекты, за счет име-

ющихся у них властных ресурсов. Так, согласно, мнению известного специалиста Блонделя Ж.: «лидерство – это власть, потому что оно состоит в способности одного лица или нескольких лиц, находящихся «на вершине», заставлять других делать то позитивное или негативное, что они не делали бы или, в конечном счете, могли бы не делать вообще». Причем, «данная способность лидера долговременна, может осуществляться продолжительное время» [4, С. 9]. Имеет значение и то, что объективный статус существования лидерства в социуме, не предполагает единственный модус его оценки: «результаты деятельности лидеров могут быть различными: хорошими или плохими, отличными или ужасающими». Из этого, в частности, следует, что «если власть лидеров может быть осуществлена во имя контроля, господства и подчинения, она, безусловно, может быть использована и для подъема, приумножения и развития» [5, С. 9]. Таким образом, оценка работы лидера носит дуалистический характер и зависит, как от поставленных целей, так и от способности лидера к их достижению.

Стремление государства-лидера вести за собой менее развитые страны по пути модернизации неизбежно заставляет «ведомые государства» заниматься калькированием его политической системы. Более того, лидер склонен при помощи «мягкой» (культурно-информационной) или твердой (военно-дипломатической) силы навязывать тем или иным государствам определенные политические ценности и образы действия. Подобное навязывание, даже осуществляемое из альтруистичных соображений, нередко встречает сопротивление со стороны объекта воздействия. Таким образом, вопрос состоит не только в том, «что» необходимо сделать лидеру для реформирования экономики и социальной жизни развивающейся страны, но и в том, «как» следует поступить, принимая во внимание те, складывающиеся веками местные, национальные особенности, которые относятся, главным образом, к действию неформальных институтов в обществе. Между тем, с последним обстоятельством, как раз и связаны основные проблемы участия лидера в судьбе другой страны, ибо добросовестное стремление к ответу на вопрос «как?» предполагает крайне трудоемкую, высокопрофессиональную и длительную работу, требующую к тому же еще и немалых финансовых затрат. В свою очередь, рациональная ограниченность страны-лидера, которой не

избежать перед лицом столь сложной задачи, а также транзакционные издержки, с которыми она связана, с большой долей вероятности, войдут в противоречие с национальными интересами самого лидера. К тому же не будем забывать и об ограничениях, налагаемых нормативно-правовой формой, в которой этот интерес реализуется на мировой арене. Проблему образует то, что формальные рамки нормативного подхода, которому необходимо следовать страна-лидер в отношениях с другими странами, не позволяют принимать во внимание многомерный культурно-социальный контекст отдельной страны. Получается, что из анализа выпадает важнейший фрагмент действительности, что чревато известной гносеологической коллизией, которая в социологии именуется систематическим смещением или систематической ошибкой.

Принимая во внимание прочно установившийся приоритет нормативно-правового подхода в международных отношениях, логично задаться вопросом: какой из известных управленческих методов, ориентированных на практику социально-экономических преобразований, был бы наиболее уместен в такой ситуации? Предположительно этот метод должен хорошо соответствовать нормативно-правовой форме ведения межгосударственных дел, а значит, – ориентироваться на предметность, обусловленную вопросом «что?», а не «как?», отвлекаясь от весьма затратной во всех смыслах, работы по адаптации инструментов реформирования к морфологическому строению объектов модификации. Иными словами, искомый подход к конкретным социально-экономическим и политическим явлениям должен быть в достаточной мере и нормативным, и формальным.

И такой метод существует. Это хорошо известный либеральный подход к социальным и экономическим явлениям. В чем его суть? Английский политолог Хэйвуд Э. дает такое описание: «Экономический либерализм – концепция, согласно которой рынок является саморегулирующимся механизмом, способным сам собой разрешить все проблемы, обеспечить равные возможности и экономическое благополучие для всех» [5, С. 56]. Данная концепция примечательна не только своей «безграничной верой в механизмы свободного рынка», но и тем, «что экономика лучше всего работает тогда, когда правительство вообще оставляет ее в покое» [5, С. 56]. Либеральный метод во главу угла ста-

вит синергетическую составляющую общества, выраженную силой самоорганизации рынка или гражданского общества, которой придается самодостаточный статус. В этом случае, модернизация общества по сути своей сводится к практике имплантации либеральных инструментов в общественное целое. Внедрив указанные инструменты в «тело общества», либерал полагает свою миссию выполненной, ибо далее эти «инструменты», по его разумению, должны «все сделать сами». Иначе говоря, либеральный метод сводится преимущественно к ответам на вопрос «что?», а ответы, обусловленные вопросом «как?», согласно либеральной логике, актуализируются спонтанно или – «автоматически». С этих позиций, либеральный метод, ориентирован на довольно ограниченный реестр принципов и правил (демократия, свободный рынок, примат личности над государством и т.д.), безусловная гуманитарная ценность которых оправдывает возможность их укоренения в любом обществе, независимо от его морфологической специфики. Вот и получается, что для нормативных (формальных) правил, в согласии с которыми выстраиваются отношения между странами, находится столь же формальный, либеральный метод практического управления политическими и экономическими процессами, включая и те, что затрагивают интересы отдельных государств.

Между тем, хорошо известно, что не существует универсальных методов познания и управления: каждый из них имеет свои недостатки. То, чем чревата абсолютизация либерального подхода в экономической и политической сфере, не понаслышке, а де факто знают в нашей стране, ведь российские реформы 90-х годов были проведены в точном соответствии с этим сценарием. Но почему в таком случае либеральный метод, оказавшийся несостоятельным в российских условиях, эффективен в отношении развитых стран? Надо заметить, что ключевым здесь является термин «развитый». Дело в том, что «Политические институты (как формальные, так и неформальные) могут образовать благоприятную среду для эволюционных перемен» [6, С. 117.]. Так вот именно наличие развитой институциональной среды отличает любую из стран Запада от России, которая лишена такой среды. Если вернуться к использованной ранее аналогии, то архитектура общественного устройства развитых стран может поддерживаться не только за счет формальной силы государства, но и благодаря

устоявшимся рыночным «правилам игры», инициативам самих граждан, а также гуманитарным ценностям демократии, свободы слова и т.д. При этом, еще раз необходимо подчеркнуть, особую роль сбалансированности институтов друг с другом. Тесная координация институтов создает возможности для их взаимного замещения, что позволяет заметно снизить ту значительную управленческую «нагрузку», которая обычно ложится на государство. В условиях развитой институциональной среды многие социальные проблемы получают разрешение без непосредственного участия государственных органов, а лишь за счет совместных усилий инициативных граждан.

Мы полагаем, что приведенных доводов вполне достаточно, для заключения о том, что морфология западных обществ с их развитой институциональной средой, существенным образом отличается от морфологии российского общества, в котором эта среда еще только формируется. Основанием для разделения служит то, что по мере развития институциональной среды, общество все в большей степени обретает синергетическую способность к самоорганизации и саморазвитию. Со временем, эта способность становится объективным общественной фактором, дополняющим нормативно-формальные возможности государства. В отличие от внешне принудительной силы формальных правил, сила неформальных институтов носит характер внутрличностной детерминации, побуждающей каждого гражданина следовать устоявшимся в обществе законам, правилам, ритуалам и традициям. Так постепенно образуется единое, надперсональное, формально-неформальное институциональное пространство, в котором установленные государством законы и правила поддерживаются и закрепляются на уровне неофициальных правил поведения в обществе, а потому их нарушение принято считать неприличным и недопустимым.

Российское общество, на наш взгляд, вполне может быть отнесено к одному из модусов той системы, для которой характерен не инновационный, а мобилизационный тип политической культуры. При мобилизационном типе политической культуры, в условиях отсутствия синергии между формальными и неформальными «правилами игры», общественное развитие может осуществляться только за счет преимущественного использования силы «ручного управления», исходящей от государства. Следо-

вательно, в подобных условиях и реформирование должно производиться методом, отличным от либерального. Общий смысл такой модернизации сводится к решению текущих проблем с прежней опорой на государство, но при этом возможна и желательна постановка задачи по «выращиванию» собственной институциональной среды, путем поощрения рыночных изменений и гражданских инициатив, в решении отдельно взятых общественных проблем. Задача эта не может быть решена волюнтаристскими методами. Невозможно просто объявить о том, что отныне общество будет жить только по законам рынка, демократии и свободы слова, а права личности теперь имеют приоритет по отношению к государству. А потому, чем радикальнее будет действовать субъект управления по введению формальных правил игры, преобразующих общество, тем выше вероятность «разбега» институтов, за которым следует стагнация, хаос и угроза распада общественного целого. Именно к такой социальной «пропасти» и подвели нашу страну своими действиями «молодые демократы».

Полученные нами выводы могут стать основой для оценки роли США как глобального лидера в трансформационных процессах, протекающих в развивающихся государствах. Задача распространения по всему миру либеральных ценностей, давно стала для США официальным предлогом для объявления всего земного шара зоной своих национальных интересов. Вместе с тем, мы установили, что нормативно-либеральный подход «по определению» несет в самом себе серьезные управленческие риски, связанные с гносеологическим разрывом между должным и сущим. Именно с данным разрывом мы связываем основные проблемы современной глобальной политики, которые можно свести к двум предметным планам. Во-первых, это политика США (стран западной коалиции) в отношении развивающихся стран, которая характеризуется попытками лидера использовать адаптивные либеральные методы к неадаптивным странам, у которых отсутствует необходимая для этого институциональная среда. Во-вторых, отмеченная проблема «разрыва» между должным и сущим, все больше сказывается и на отношениях между самими развитыми странами. Печальный опыт стран, переживших «цветные революции» и вставших на путь «догоняющей либерализации и демократизации» служит тому подтверждением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Parish S.D. The Turn Toward Confrontation: The Soviet Reaction to the Marshall Plan, 1947. Working Paper № 9. New Evidence on the Soviet Rejection of the Marshall Plan, 1947. Report N 1. P. 28 // <http://www.cwihrp>.
2. История дипломатии / Под ред. Громыко А.А., Земскова И.Н., Зорина В.А., Семенова В.С., Харламова М.А. / М.: Политиздат, 1974. Т. 5. С. 91.
3. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. С. 10-12.
4. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 54.
5. Хейвуд Э. Политология: учебник. М., 2005. С. 43.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 78.
7. Коняев С.В. Инструментальные возможности либеральной идеи // Образование и право. 2016. № 3. С. 8-16.
8. Ковалев Н.А. Политическая архитектура системы международных отношений: феномен полярности в современном мире // Политика и Общество. 2013. № 11. С. 1381-1388. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.11.10150.
9. Грудцына Л.Ю. Философско-правовая концепция гражданского общества как самоорганизующейся социальной системы: от Гегеля до наших дней // Административное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 392-397. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.4.11370.
10. Ежов Д.А. Авторитаризм и демократия в российской политической традиции // Вестник университета (ГУУ). 2014. № 7. С. 39-42.
11. Ежов Д.А. Проблема легитимации верховной власти в контексте российского политического проекта // Власть. 2013. № 1. С. 87-89.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Parish S.D. The Turn Toward Confrontation: The Soviet Reaction to the Marshall Plan, 1947. Working Paper № 9. New Evidence on the Soviet Rejection of the Marshall Plan, 1947. Report N 1. R. 28 // <http://www.cwihrp>.
2. Istoriya diplomatii / Pod red. Gromyko A.A., Zemskova I.N., Zorina V.A., Semenova V.S., Kharlamova M.A. / M.: Politizdat, 1974. T. 5. S. 91.
3. Utkin A.I. Mirovoi poryadok XXI veka. M.: Algoritm, 2001. S. 10-12.
4. Blondel' Zh. Politicheskoe liderstvo: Put' k vseob'emlyushchemu analizu. M., 1992. S. 54.
5. Kheivud E. Politologiya: uchebnik. M., 2005. S. 43.
6. Nort D. Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki. M., 1997. S. 78.
7. Konyaev S.V. Instrumental'nye vozmozhnosti liberal'noi idei // Obrazovanie i pravo. 2016. № 3. S. 8-16.
8. Kovalev N.A. Politicheskaya arkhitektonika sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii: fenomen polyarnosti v sovremennom mire // Politika i Obshchestvo. 2013. № 11. С. 1381-1388. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.11.10150.
9. Grudtsyna L.Yu. Filosofsko-pravovaya kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva kak samoorganizuyushcheisya sotsial'noi sistemy: ot Gegelya do nashikh dnei // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 4. С. 392-397. DOI: 10.7256/1999-2807.2014.4.11370.
10. Ezhov D.A. Avtoritarizm i demokratiya v rossiiskoi politicheskoi traditsii // Vestnik universiteta (GUU). 2014. № 7. S. 39-42.
11. Ezhov D.A. Problema legitimatsii verkhovnoi vlasti v kontekste rossiiskogo politicheskogo proekta // Vlast'. 2013. № 1. S. 87-89.